

ГАРМОНИЯ

У Ксюши не росли брови. Приходилось по утрам отнимать час-полтора от сна и рисовать недостающие черты. Ей говорили: «Это же хорошо. Все в твоих руках. Каждый новый день не похож на предыдущий». За столько лет можно было научиться одним росчерком карандаша и взмахом кисточки с гелем изображать из себя и девушку без фильтров, и принцессу без комплексов, и мечтательную нимфоманку. Но Ксюша ничего такого не умела и ходила с вечным удивлением на лице.

А тут – свадьба. «А на свадьбе, – думала Ксюша, – надо быть не такой, как в жизни. Чтобы хоть на фотографиях собой любоваться годы спустя. А то замужем не до этого – там семейные ценности, и махровый халат, и супный чад на всю квартиру, и дети в том или ином количестве... Там уже не до бровей».

Ксюша решила довериться профессионалам. Все бы хорошо, только мысль эта пришла ей за два дня до бракосочетания, когда в нормальных салонах уже давно все было расписано. До двух часов ночи Ксюша гуглила местных бровистов. Нашла Амину, дизайнера взгляда из подвала соседнего дома, между скупкой телефонов и зоотоварами. Ксюша пришла к ней с мольбой в глазах и без бровей. Амина сунула ей в руки каталог, сама пошла курить. В каталоге – выбирай не хочу. Брови на любой вкус: аристократичные, истеричные, пи-

кантиные, атаманские, рабоче-крестьянские, «мексиканские». И приписочка ручкой: «Возможен смешанный дизайн».

Четких пожеланий Ксюша не высказала, главное – чтобы красиво и все восхитились немедленно. Амина хмыкнула, надела черные перчатки и склонилась над девушкой. Долго колдовала, усердно: расчерчивала Ксюшин лоб по линейке, рисочки ставила, кресты чернильные рисовала, кожу иголочками прокалывала, туда пигмент заливала. («Вам только среднecоричневый, у вас такой типаж».) Наконец подала зеркало.

– Ну вот, пожалуйста. Устраивает?

Ксюша смотрит на себя, а слова застряли где-то глубоко, повисли на связках.

– Да вы нарисуйте, хорошо вам будет, – успокаивает Амина. – Реснички, если захотите, могу вам в следующий раз сделать.

Ксюша идет к остановке, ловя в витринах свой новый образ. Ксюшу распирает от удивления. Только на лице удивления нет. На лице – что-то злобное и не вполне человеческое. И новые брови.

Жених долго всматривался, не мог понять – за чем? Потом сказал:

– Я полюбил свою Ксюшу за кроткий взгляд и за то, что она смотрела на меня подобострастно. Это вселяло в меня уверенность и давало мне повод думать о будущем. Вы же смотрите так

хищно, что мне становится страшно и немного не по себе. Мне нужно все осмыслить. Я отойду на минутку.

Больше его в загсе в тот день не видели. Телефон забыл, а паспорт забрал. Родственники с той и с другой стороны посетовали, потоптались, но потом, переборов стыд, все же поехали на банкет. Ну а Ксюша – домой, плакать и анализировать ситуацию.

Понятно, что семейной жизни не получилось из-за бровей. Но так ли от этого больно, как должно быть? Обидно, конечно, и стыдно перед родственниками. И фотографий теперь не будет. Хотя какие фотографии с такими бровями? Ну а что с ними не так? Ксюша и раньше себе не нравилась. А сейчас? Брови вроде ровные получились, почти одинаковые, просто Ксюша их побаивалась. Какие-то они не такие, не отражают ее внутренний мир, а может, и того хуже. Ксюша замечала, как за надбровными дугами потихоньку скапливаются нехорошие мысли: «Есть поступки, которые нельзя прощать. Есть слова, которые нельзя забыть. Есть люди, которые из самых близких становятся никем...» И вот еще: «Только судьба может дать второй шанс. Я не такая добрая. Потому что не судьба». Или даже так: «Я не нарушаю чужие правила – я просто живу по своим». Рука сама потянулась к телефону, чтобы это все опубликовать на стене и фотографию прикрепить позагадочнее: женская лодыжка в красной туфле, или только нижняя половина лица с приоткрытым ртом, или волосы, спадающие на плечо. Ксюшу объял ужас невероятный. Телефон она отодвинула от себя подальше, а наутро – успеть бы, пока совсем не накрыло, – побежала к Амине.

- Микроблейдинг – это навсегда, – заявила Амина. – Если перекрывать, то только «мефистофелем». Но оно вам надо?
- Я не хочу «мефистофеля». Я хочу свои старые брови.
- Нет их больше. Убыли.
- Куда убыли?
- Не «куда», а «к кому». У вас убыли, у кого-то прибыли. Количество красоты во Вселенной – величина постоянная. И двух одинаковых бровей не бывает.
- В смысле, двух пар бровей?
- Нет.
- Так а что же мне делать?
- Да жить, как раньше жили. Удалять – это только лазером, и то на месте этих возникнут, сами понимаете, не те, что раньше. А само если побледнеет, то разве что в фиолетовый. Слушай-

те, а давайте я вам губы сделаю. Вам хорошо будет. Они на себя часть внимания заберут.

Ксюша от губ отказалась. С мыслью о старых бровях и новой жизни пошла в аптеку, купила перекись и йод. Дня три исправно мазала на ночь брови, приговаривая: «Чистая кровь, небесная кровь, избави Ксюшу от татуажа злого, от пигмента худого. Верни безбровное счастье. И руки Амине повыдергивай». На четвертую ночь Ксюша проснулась оттого, что лоб распух, горит невыносимо, и лицом шевелить больно.

В коридоре травмпункта на железных стульях сидели блондинка с раздутой до носа верхней губой, рыжая девушка со склеенными ресницами, женщина с нарывом под ногтем и мальчик со сломанной ногой.

Ксюша спустя три часа вышла от врача под рассветное небо с перевязанным по самые волосы лбом, а на крыльце – та блондинка с губой. Она курила, приподняв повязку надо ртом, чтобы сигарете удобнее было.

- Ты после Амины? – спрашивает. – Знакомый почерк. Вон, видала? Ее работа.
- Она выпятила вперед губы для лучшего обзора.
- Всю жизнь мне испоганила. Меня теперь не воспринимают как личность. Поэтому я буду мстить. Присоединяйся.
- А смысл? Брови и губы нам никто не вернет. Они убыли.
- Не вернет. Зато почувствуем кратковременную эйфорию и хоть ненадолго восстановим душевное равновесие, зная, что обидчице пришлось хуже, чем нам. Меня Наташа зовут. Ну что, считаваю я на тебя? Ты не бойся – адвоката я уже нашла.
- Ксюша согласилась. Наташа стянула у брата-ветеринара самый страшный скальпель – на нем даже шерсть и следы крови остались. Ксюша записалась к Амине на восемь тридцать. Зашли вдвоем, Наташа дверь за собой защелкнула и достала скальпель.
- Ну здравствуй, Аминочка, красота ты наша. Хорошо у тебя дела? Щас станут еще лучше. Ксюш, клади ее на кушетку, руки обмотай чем-нибудь. И телефон заberi.

Амина телефон не отдавала, ложиться не хотела, пиналась, кричала матом и вообще показала себя волевой женщиной. Ксюша так бы с ней и не совладала, если бы Наташа не подошла и не ударила Амину по лбу, отчего та повалилась на кушетку. Девушки Амину привязали, смотрят на нее сверху. Наташа примеряется, как лучше резать.

– Хочешь, ты первая? – И протягивает скальпель Ксюше.

Ксюша пожимает плечами, берет нож. Брови у Амины черные-черные, четкие-четкие. «Атаманские», – подумала Ксюша.

– Девочки, да за что? – лепечет Амина.

– А ты думала как? – Наташа нависла над ней, почти касаясь губами. – Можно кривыми ручками людям жизни ломать, и ничего тебе за это не будет? Вот походишь с такой же рожей, как у нас, – и скажешь потом, как тебе.

– С какой рожей? Ну с какой такой рожей? Девочки, да хорошо вам. Нормально я все сделала. Это вы с непривычки так. Лучше, что ли, без бровей и без губ, как бледная поганка, ходить? Да вы сами посмотрите.

Ксюша посмотрела на Наташу, та кивнула и подала ей зеркало. Ксюша размотала повязку: кожа под ней была пунцовая, но сами брови яркость и четкость не потеряли.

– Вам только чуть-чуть подправить, – советовала с кушетки Амина. – И губки поднакачать, чтоб с бровями сочеталось.

Наташа, в свою очередь, отлепила пластырь под носом. Губы были припухшие, сочные, налитые.

– А вам, – сказала Амина, – брови бы поярче, тоже для гармонии. Давайте попробуем. Ну не понравится – зарежете. Только имейте в виду: у меня много родственников, и кровная месть – наша семейная традиция.

Через полгода Ксюша и Наташа пришли к Амине на коррекцию, а заодно – показать фотографии с двойной свадьбы на Сейшелах. Девушки успели за это время выйти замуж за футболистов. Амина смотрит на снимки – не нарадуется.

– У Ксюши платье обалденное. Со стразами такое, блестящее.

– Это Наташкино. У меня с кружевом. Вот я рядом стою, видишь?

– Тьфу. Совсем уже. Простите, девочки. Наташ, давай ложись.

– Ложусь. Только я Ксюша.

– Да что ж такое?

Так Амина и не выучила, кто есть кто. Путала она и других своих клиенток: Иру – с Машей, Дашу – с Аней, Веру – с Настей. Народу все больше, как всех упомнишь? Рука у Амины поставлена, глаз наметан, работа спорится, тут не до имен. Главное ведь – гармония. И чтобы клиентки выходили от мастера счастливые, и чтобы все у них было одинаково хорошо.